

№ АНТРАКТЪ 39

Антрактъ выходитъ ежедневно. ЦѢна годовому изданію (50 №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ—2 руб. сер.; полугодовому—1 руб. 50 коп. сер. на три мѣсяца—1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 8 часовъ утра до 3 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Т. Ризъ), у Мясницкихъ воротъ, въ домѣ Воейкова, а также въ книжныхъ лавкахъ обоихъ московскихъ театровъ, въ московскомъ почтамтѣ и въ книжномъ магазинѣ Салаевыхъ на Никольской улицѣ.

СОДЕРЖАНИЕ: Московскій театръ.—Иностранные театры.—Письмо къ редактору.—Смѣсь (Разныя извѣстія).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Бенефисы г-жи Чумаковской и гг. Рейнгаузена и Ермолова.)

О представленіи *Тартюфа* въ бенефисъ г-жи Чумаковской въ Антрактѣ была обѣщана особая статья. Редакторъ этой газеты, А. Н. Баженовъ, самъ хотѣлъ написать ее, но болѣзнь воспрепятствовала ему исполнить это намѣреніе. Чтобы не откладывать этого отчета, я принужденъ былъ взять его на себя, не смотря на недостатокъ времени, остававшійся до выхода въ свѣтъ настоящаго № Антракта.

Лучшею изъ пьесъ Мольера по всей справедливости почитается *Тартюфъ*. Въ этой пьесѣ проявляются въ меньшей степени недостатки другихъ комедій этого великаго комика и въ большей степени ихъ достоинства. Въ большей части другихъ своихъ комедій Мольеръ все свое вниманіе обращаетъ только на одно, на два, на три лица, отбѣлывая ихъ со всею своею любовью, со всѣмъ своимъ талантомъ, возводя ихъ въ типы, такъ что имена этихъ дѣйствующихъ лицъ становятся нарицательными именами для извѣстнаго рода лицъ, характеровъ и страстей; другія лица остаются почти безо всякой отбѣлки, только наметнутыми, а иныя даже являются образами безъ лицъ, не запечатлѣнными почти никакимъ характеромъ. Въ *Тартюфѣ* же большая часть лицъ запечатлѣны своимъ собственнымъ характеромъ. Не говоря уже о самомъ Тартюфѣ, имя котораго стало нарицательнымъ именемъ ханжи, лицемеръ, объ Оргонѣ, этомъ хоть и простоватомъ, но добромъ, увлекающемся человѣкѣ, съ теплою, любящею и преданною душою, о его женѣ Эльмирѣ, этой умной, преданной и честной женщинѣ, весьма благоразумной и сдержанной, умѣющей владѣть собою, о г-жѣ Пернель, упрямой старухѣ, у которой если что попало въ голову, такъ коломъ не выбьешь, о Лойалѣ, этомъ, если можно такъ выразиться, свѣтскомъ *Тартюфѣ*, обманывающемъ людей своею ласковостью такъ же, какъ другой, такъ сказать, *духовный Тартюфъ*, обманываетъ ихъ своею набожностью, объ одномъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ говорятъ «мягко стелетъ, жестко спатъ»,—даже лица, наименѣе отличающіяся отъ подобныхъ имъ лицъ другихъ комедій Мольера,

обрисованы въ этой комедіи ярче, чѣмъ въ другихъ его произведеніяхъ. Напр. Дорина хотя и есть ничто иное, какъ общій типъ мольеровской служанки, являющийся во многихъ пьесахъ этого комика, но въ Тартюфѣ этотъ типъ является обрисованнымъ полнѣе и ярче, чѣмъ въ большей части другихъ комедій Мольера.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ лучшихъ комедій Мольера, какъ напр. *Скупой*, *Мизантропъ* страдаютъ слабостію интриги, интрига Тартюфа ведена съ большимъ искусствомъ и съ возрастающимъ интересомъ. Добрый Оргонъ въ началѣ комедіи вполне и слѣпо увлеченъ Тартюфомъ; у него только и свѣта въ глазахъ, что этотъ лицемеръ, для котораго Оргонъ готовъ пожертвовать и дѣйствительно жертвуетъ всѣмъ на свѣтѣ, и имѣніемъ, и тайною друга, и дочерью. Онъ самъ говоритъ, что Тартюфъ

... учить не имѣть пристрастия ни къ чему
И такъ онъ урѣшилъ мнѣ душу превосходно,
Что смерть жены, друзей и всѣхъ, кого угодно,
Вотъ ни на столько меня не огорчитъ.

Но чѣмъ укрѣплена такъ душа Оргона? Однимъ только слѣпымъ увлеченіемъ, неограниченною привязанностію и преданностію его Тартюфу. И это слѣпое увлеченіе разбиваетъ счастье цѣлой семьи.

Два акта проходятъ прежде, чѣмъ зритель видитъ самого Тартюфа, но зритель живо интересуется этимъ лицомъ; всѣ говорятъ о немъ, всѣ заняты имъ; причиною всего, что происходитъ въ семействѣ Оргона, является Тартюфъ, или, лучше сказать, та преданность, которую Оргонъ питаетъ къ Тартюфу. Не легко разбить эту преданность, это увлеченіе, ловко поддерживаемое самимъ Тартюфомъ, искуснымъ ханжой и лицемеромъ. Когда Тартюфъ на глазахъ самого Оргона, сидящаго подъ столомъ, хочетъ обольстить его жену, Оргонъ не скоро и тутъ разубѣждается въ своемъ слѣпомъ увлеченіи къ Тартюфу, не скоро выходитъ изъ подъ стола; такъ осѣтилъ его Тартюфъ. Но наконецъ сняли передъ Оргономъ маску съ Тартюфа, показали его Оргону въ настоящемъ его видѣ, но слѣпое увлеченіе Оргона уже сгубило его самого, его семейство; имѣніе свое онъ отдалъ Тартюфу и въ рукахъ этого злодѣя бумаги, могущія его погубить. Интересъ, возраставшій въ комедіи, все болѣе и болѣе